

Полуостров Сахалин.

История одного заблуждения

Часть I

Дмитрий Афанасьев

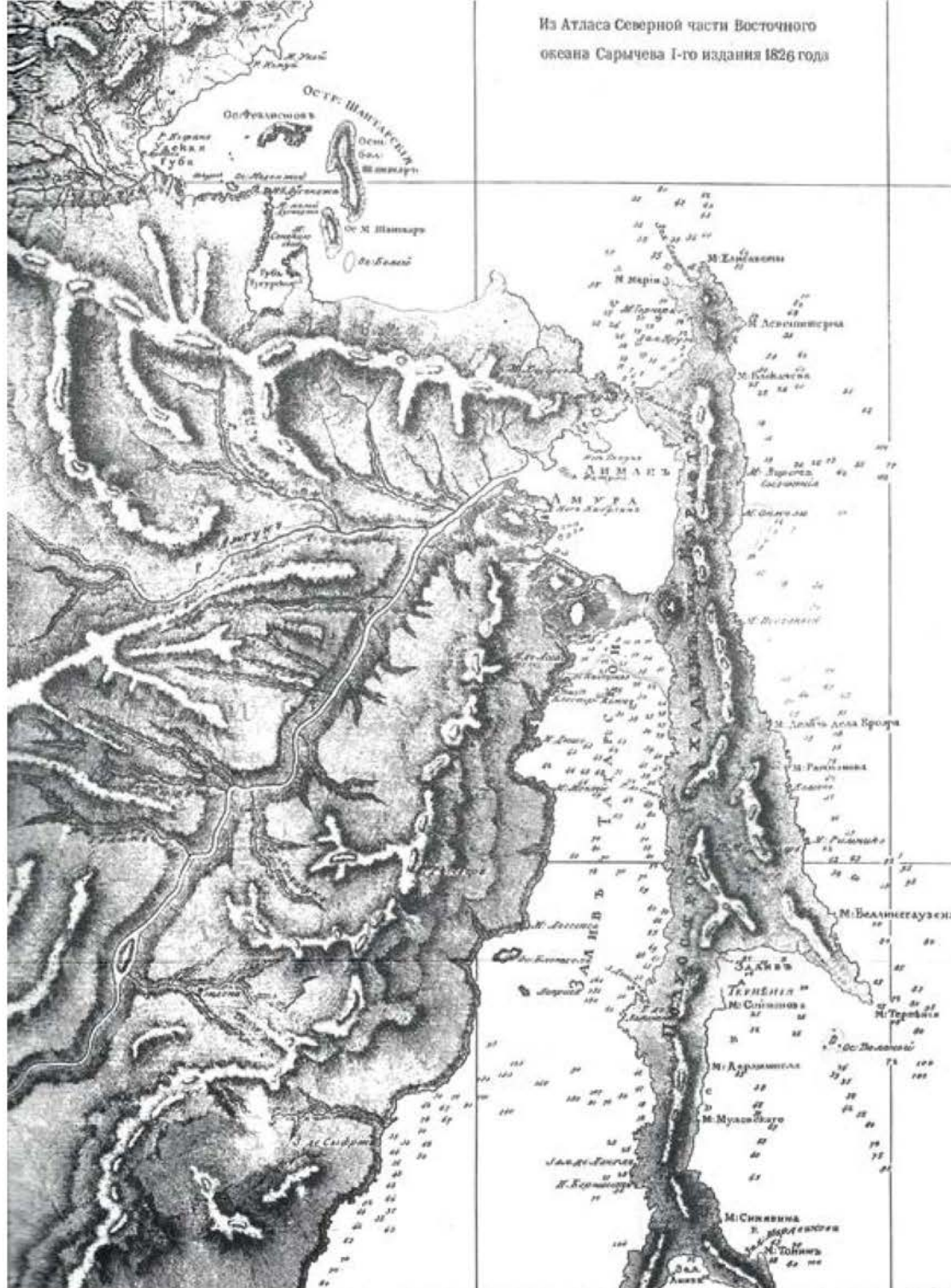
Когда речь заходит об эпохе Великих географических открытий, обычно вспоминаются имена Христофора Колумба, Фернана Магеллана, Васко да Гамы, Абель Тасмана и Джеймса Кука. Прекрасно образованные моряки, оснащенные самыми передовыми на тот момент знаниями и инструментами, шагнули за пределы известного человечеству мира, чтобы подтвердить или опровергнуть догадки ученых, проложить новые торговые пути. Однако примерно в это же время, в XVI–XVII вв., совсем другие люди, диковатые и подчас неграмотные, осваивали похожие по размерам территории, которые для остального мира также оставались terra incognita.

На восток!

Казачи, беглые крестьяне, промышленники (так встарь именовались добытчики пушнины и самородков), одетые в простые одежды, на лохматых навьюченных лошадях, с самым примитивным оружием, часто снаряженные за свой счет в надежде заработать, рвались на восток и север необъятного Азиатского континента в условиях, когда уже простое выживание было подвигом. Вели их харизматичные вожди Ермак Тимофеевич, Василий Поярков, Иван Москвитин, Семен Дежнев, Ерофей Хабаров. На своем пути они основывали укрепленные города-остроги, облагали местное население ясаком, пускались в рискованные походы по полноводным рекам Сибири и Студеному морю (Северному Ледовитому океану). Так эта волна и катилась на восток, пока континент не закончился, и в 1698 г.

буйный, разбойничьего нрава казак Владимир Атласов покорил последнюю территорию Азии — Камчатку. Для царского двора обретенный континент был чем-то вроде необъятной кладовой, полной неизвестно чего и управляемой неизвестно как. Формально воеводства, конечно, существовали, но вот сообщение с метрополией было настолько затруднено из-за отсутствия дорог, что часто гонцы из отдаленных концов пробирались месяцами, а то и годами...

С наступлением просвещенной петровской эпохи европейски образованные и деятельные сподвижники императора решили инвентаризовать и эту «кладовую». В 1734 г. по инициативе Витуса Беринга началась весьма масштабная по тем временам Великая Северная экспедиция. Территория от Двины до Чукотки была

разбита на участки между главными реками Сибири: Печорой, Обью, Енисеем и Леной. Семь отрядов, в том числе два морских для исследования путей в Америку и Японию, а также «академический» — для исследования климата, этнографии и природных богатств, снабженные по приказу Адмиралтейств-коллегии, 10 лет занимались картографированием, поиском морских и сухопутных путей, описанием земель и народов, их населявших. Колоссальная работа, проведенная экспедицией, позволила нарисовать собственную карту России, и эта карта показала, что основные транспортные артерии — реки — идут на север и связывают необъятный край с Северным Ледовитым океаном, судоходство по которому часто было невозможно даже в летние месяцы. Единственной могучей рекой, текущей на восток, оставался Амур, уже исследованный практически до устья казаками Поярковым и Хабаровым, однако из-за пограничных противоречий с Китаем по подписанному в 1689 г. Нерчинскому договору доступ к нему был закрыт. По существу, китайцы ограничились перекрытием только верхнего Приамурья, поставив небольшую крепость в Айгуне. Российская дипломатия неоднократно пыталась получить разрешение на транзитное передвижение по Амуру, однако наткнулась на глухое непонимание китайской стороны. Возможно, в этом были виноваты и сами послы: они не знали китайского и не имели еще хороших переводчиков. Тот же Нерчинский договор был для ознакомления российской стороной переведен на латынь служившими при китайском посольстве недружелюбными иезуитами и принят на веру.

Рассматривались, конечно, и привычные нам силовые варианты решения вопроса, однако войск в Сибири было явно недостаточно, снабжение не было налажено.

Об этом, собственно, в 1756 г. подавал рапорт на запрос Сената комендант Селенгинска бригадир Варфоломей Якоби, сообщая, что не будет никакого проку от переговоров с китайцами, пока не построят в надежных местах провиантские магазины и вышлют из России достаточное количество войска, судоходство же по Амуру предлагал он подкрепить устройством крепостей и редутов. «Все сие будет стоить больших издержек, но они вознаграждаются важной выгодой, которая может произойти от обеспечения Камчатки продовольствием», — писал Якоби.

Полуостров Сахалин

Еще одной нерешенной проблемой было отсутствие надежных сведений об устье Амура: куда выходит и судоходно ли оно? Еще в XVII в. Поярков во время

экспедиции в Даурию (так тогда называлось нижнее Приамурье) слышал от местных жителей, что Великая река впадает в море около Большой земли, населенной волосатыми людьми — айнами. Эту землю японцы называли Карафуту; современное название Сахалин, по мнению исследователей, происходит от монгольского Сахалия-Улля (скалы черной реки). Собственно, так называли не остров, а Амур, однако неверно расположенная надпись на карте или непонимание объяснений аборигенов сделали свое дело.

Для исследования устья, или, как теперь называют, лимана Амура в 1741 г. из Охотска была снаряжена экспедиция Мартина Шпанберга, однако она так и не вышла в море. В следующем году Алексей Шельтинг обогнул Сахалин с юга, вошел в пролив Лаперуза, но из-за сильного тумана не увидев берегов, решил, что вокруг море, и повернул назад, так как имел недостаточно продовольствия.

Потом в дело исследования положения острова включились иностранцы. В 1787 г. французский первооткрыватель Жан-Франсуа де Лаперуз, двигаясь вдоль азиатского берега на север, зашел глубоко в пролив между ним и Сахалином и 3 августа достиг уютной бухты, названной им в честь морского министра Франции де Кастри. Промеры севернее бухты показали значительное снижение глубин, а когда Лаперуз нарисовал местным орочам на песке контуры сужающегося Татарского пролива, те перечеркнули самое узкое место линией. Вода в проливе была соленой, и отсутствовало какое-либо заметное течение, вызванное впадением такой большой реки, как Амур. Все это склонило прославленного морехода к мнению об отсутствии пролива между материком и Сахалином. Однако высказывал его Лаперуз осторожно и перешеек на карту не нанес.

Через 10 лет англичанин Уильям Броутон, пройдя проливом Лаперуза, двигаясь вдоль западного берега Сахалина и также обнаружил значительное снижение глубин. Опираясь на сведения, собранные посланным им помощником Чапменом, Броутон с уверенностью написал: «Сейчас мы ясно видели, что прохода к морю в этом направлении не существовало».

С результатами этих экспедиций, несомненно, был знаком великий российский исследователь Иван Федорович Крузенштерн. Когда в августе 1805 г., обойдя Сахалин с севера, он подошел к входу в Амурский лиман и обнаружил сильное течение и практически пресную воду, то сделал неутешительное заключение: «Если бы вливаемая Амуром вода могла стремиться в ту и другую стороны, тогда оно было бы непременно слабее». Еще более печальным был его вывод об отсутствии

мореходного фарватера в устье Амура. Возможно, его экспедиция не имела ни времени, ни средств для исследования акватории площадью более тысячи квадратных миль, однако факт остается фактом: на карты был нанесен перешеек, а Сахалин стал полуостровом.

Забавно, но для живущих совсем рядом японцев этот вопрос тоже был не совсем очевиден. Дело в том, что они разделяли сведения о Карафуту, который считали полуостровом, и Сагалее, о котором слышали как о возможном острове от европейцев. Только к началу XIX в. два географических объекта соединились, и в 1808 г. японский мореплаватель-разведчик Мамия-Ринзо, совершив плавание к Сахалину, подтвердил его островное положение. Но японцы тут же засекретили его открытия и продолжали рисовать для гайдзинов Карафуту полуостровом.

И все-таки остров!

Замечательный советский историк Борис Петрович Полевой в своих трудах неоднократно указывал, что признание Сахалина полуостровом было не «вековым заблуждением», а лишь недоразумением, вызванным обстоятельствами. Первооткрывателями Дальневосточного края сведения об устье Амура и проливе между Сахалином и материком были собраны и вполне успешно применялись на практике еще в XVII в. В далеком 1640 г. участники похода казака Москвитина дошли на восьмисаженных кочах от устья Уды до Амурского лимана, где узнали о большом «гиляцком острове». Позже, в 1645 г., казаки амурской экспедиции Пояркова сообщили в Якутск: «Есть де на усть Амура реки в губе остров, а на том де острове дватцать четыре улуса». К этому же периоду относятся и первые гидрографические сведения о проливе: «А от усть Амура до острова до Гиляцково мерзнет лед, ставает вовсе». В 1655–56 гг. отряды Степанова, Бекетова и Пушина собирали ясак у нивхов южного Сахалина, попадая к ним из устья Амура проливом. Эти данные передавались в Якутск и Москву в виде донесений — «сказок», анализировались приказными чиновниками, по ним создавались описи и «чертежи».

Во второй половине XVII в. дипломат и географ Николай Гаврилович Спафарий, совершив посольство в Пекин, составил первое описание Восточной Сибири и в частности — Приамурья, где Сахалин — остров и указано, что от устья Амура «направо мочно всегда плыти в Китай тем морем; только тем морским путем еще никто не ходит в Китай». На сибирских «партикулярных чертежах» Семена Ремизова также имеются изображения Сахалина: острова и Татарского проли-

ва. В первой европейской карте Азии 1690 г. голландца Николааса Витсена «Тартария», составленной исключительно на русских источниках (полученных автором во время посольства в Москву), также у устья Амура изображен «Амурский остров», то есть Сахалин.

Соратник Петра I, его агент в Англии Федор Салтыков в своем проекте «Изъявления прибыточные государству» 1713 г. упоминает и Сахалин, а именно — предлагает построить крепости в стратегически важных проливах и «против того на Амуре острове». Участник Второй Камчатской экспедиции Степан Крашенинников в «Описании земли Камчатки», изданном в 1755 г., разместил две карты, где четко указан пролив и даже сахалинское селение Бохоби (ныне Погиби) на самом узком месте пролива. В конце XVIII в. академик Эрик Лаксман предлагал наладить торговые сношения с Японией по «Сахалинскому каналу», тоже явно имея в виду Татарский пролив.

Собственно, даже после триумфального прибытия в 10-е гг. XIX в. Крузенштерн высказывал недовольство тем, что его открытия игнорируются и географическое сообщество упорно продолжает называть Сахалин островом.

Точки над i

Итак, существенные сомнения в результатах экспедиций Лаперуза, Броутона и Крузенштерна, разумеется, были, но на самом деле вопросов к этому времени накопилось больше. Например, разграничивший китайскую и российскую территории Нерчинский договор указывал в виде естественной границы некий горный хребет. В русской версии это Каменные горы, а в цинской — Большой хинган, но все эти наименования были весьма относительными по причине неизученности края. Собственно, разграничение по договору касалось только среднего течения Амура, низовья же и устье предлагались к разграничению позже. Можно сказать также, что китайская и российская стороны принимали за пограничные разные горы, и в результате огромная территория оказалась вне юрисдикции какой-либо из сторон. И если с одной стороны был слабый, постоянно унижаемый европейскими державами Китай, то с другой — возрастающая в своей мощи, но пока еще весьма осторожная в дальневосточных делах Российская империя. И только яркая пассионарная личность могла сдвинуть этот шаткий камень с его основания. 🏔

Продолжение следует